

тельной военной силы. От железнодорожной полиции требовалось обеспечение охраны наиболее важных объектов и сооружений дороги и подвижного состава. Необходимо было пресекать агитационную деятельность и насилие, арестовывать агитаторов, личными уговорами железнодорожников содействовать продолжению работ, организовывать совместно с железнодорожным руководством замещение должностей бастующих или арестованных лиц служащими с других дорог или мест.

Инициаторами большинства железнодорожных забастовок являлись рабочие депо и мастерских, служащие, телеграфисты и конторщики узловых и конечных пунктов железных дорог. Промежуточные станции лишь пассивно выполняли распоряжения первых. В связи с этим руководство ШОКЖ предписывало чинам жандармской полиции уделить особое внимание узловым станциям. При возникновении беспорядков необходимо было в первую очередь сконцентрировать там значительные части войск, сюда стягивались основные силы жандармской полиции. В случае захвата узловых станций бастующими для наведения порядка и открытия движения по дороге предусматривалось создание боевых поездов из войск и чинов жандармской полиции, которые пробивались бы к узловым пунктам, арестовывая и обезоруживая рабочие дружины, а где нужно – принимая насильственные меры для возобновления железнодорожного движения.

При локальных забастовках в одной какой-либо мастерской, службе и т. п. жандармам необходимо было, узнав причину забастовки, взять на себя посредничество между бастующими и железнодорожным руководством и путем переговоров и воздействия на обе стороны склонить бастующих к восстановлению работ, а лиц, подстрекающих к забастовке, подвергнуть задержанию и передать в распоряжение общей полиции.

Таким образом, руководством Отдельного корпуса жандармов и Департамента полиции при поддержке на законодательном уровне была разработана система мер по предупреждению и пресечению железнодорожных забастовок. Надо отметить, что она способствовала уменьшению забастовочного движения на железных дорогах и нормальному функционированию железнодорожного транспорта.

УДК 341.111.52+340.12

В.И. Павлов

ЭНЕРГИЙНО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ «ПРАВОВОГО ЧЕЛОВЕКА», ИЛИ КАК ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ УСМОТРЕНИЕ В ПРАВЕ

В настоящее время тема субъекта права является одной из актуальнейших тем правоведения. В классической общетеоретической юриспруденции как таковая эта тема отсутствует, поскольку эпистемологическая юридическая линия «дореволюционное – советское – постсоветское» основывалась на идее новоевропейской рациональности, полагавшей человека в качестве рационального субъекта (декартовское «*cogito ergo sum*»). Человек в праве в эпоху Нового времени был редуцирован в «субъект права» и методологически выстроен в линии исследовательской традиции «сущность – субстанция – субъект». Человек стал разумной машиной. Таким он и вошел в мировой юридический дискурс XVII–XVIII вв.

На наших землях правовая традиция, ориентированная на такой тип осмысления человека в праве, укрепилась достаточно рано. Этому способствовали как тесные контакты с западноевропейской мыслью, так и отсутствие на литовских землях цельной духовной традиции. Последнее обстоятельство принципиально не позволяло (по крайней мере, элите) воспроизводить личностное (а значит и социальное) конституирование и сквозной тип государственно-правовой идентичности. Личностно-социальное же конституирование и сохранение государственно-правовой идентичности, осуществление которых возможно только на основе устойчивых онтологических (в то время однозначно духовных) стратегий, в экзистенциальном плане только и могут противостоять забвению реального жизненного мира со стороны искусственной реальности, создаваемой юридическими артефактами наподобие субъекта права. Российское юридическое мышление, хотя также было пропитано западноевропейскими установками о субъекте права, тем не менее, параллельно удерживало образ живого человека в праве. Этому способствовало сохранение так или иначе восточно-христианской духовной традиции, оказывающей влияние на российскую культурную традицию (вспомним знаменитую Оптину пустынь – места паломничества В.С. Соловьева, Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева, Л.Н. Толстого и др.). Яркими примерами попыток выстраивания образа живого «правового человека» являются работы В.С. Соловьева, Н.М. Трубецкого, И.А. Ильина и др. Сегодня этот опыт активно осваивается.

Во второй половине XX в. в западной гуманитаристике произошел так называемый антропологический поворот, причина которого – неспособность науки понимать человека таким, каков он есть. Образ субъекта права, созданный в Новое время, перестал соответствовать правовой реальности. Что есть человек в праве? Из каких ресурсов он действует? Каким образом можно адекватно понять правовое поведение человека? Самое главное – как в дальнейшем, опираясь на какие основания, поддерживать правовой порядок и нужно ли это делать вообще? Вот только малый перечень вопросов, который поставила неклассическая правовая мысль. С открытием Ж. Бодрийяром феномена общества потребления, с активным привнесением в правовую жизнь глобализационных тенденций, с принципиальной переориентацией социального мышления и жизненных стратегий на потребление симулякров (информации, рекламы, технологий, инноваций и пр.) этот вопрос стал в два раза острее. Симулятизация социального пространства, выражающаяся в перенесении акцента со смыслового поля на знаковое и отрыв последнего от смысла, проникла и в государственно-правовую область. Это выразилось в кризисе классических концепций демократии, гражданского общества, прав человека и др. Симулятизация социальных отношений вызвала и соответствующую потребность в их аналогичном юридическом оформлении. Законодательство стало галопировать, порождать симулятивные структуры, под сомнением оказался сам концепт «воля законодателя». Сегодня вопрос смысла закона является едва ли не самым актуальным (хотя нередко большее внимание сегодня уделяется информационным технологиям в праве, правовой инновации и т.п.). Он, в свою очередь, связан с вопросами раскрытия правового смысла, конструирования юридического знака и рядом других положений. Отчасти эти вопросы входят в тему усмотрения в праве. В отличие от идей школы свободного права XVIII–XIX вв., которая обосновала концепцию оценочных понятий, сегодня проблема усмотрения связывается с принципиально иными вещами, рожденными постсовременностью. Прежде всего это касается самого человека в праве, поскольку интеллектуальное событие «смерти субъекта» ставит вопрос о том, кто, как и из каких ресурсов будет создавать и воспринимать право.

Описанные проблемы начиная со второй половины XX в. и до наших дней в рамках неклассической традиции решаются по-разному. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм содержат в основном лишь негативные программы,

направленные на разоблачение классической рациональности. Наиболее перспективными являются концепции коммуникативной рациональности и диалога, антропологии и герменевтики. Эти направления сегодня адаптируются применительно к юридическому дискурсу. Для правовых же пространств, возникших под влиянием восточно-христианской традиции и в той или иной степени подпитывающихся ими и сегодня, также важен вопрос о месте познавательных ресурсов, выработанных этими традициями в отношении человека. В этой связи наш подход в решении обозначенных выше проблем представляет собой синтез методологического аппарата неклассических западноевропейских школ с содержательным освоением конститутивного опыта восточно-христианской традиции, причем для последнего нами используются наработки школы синергической антропологии.

В отношении переосмысления субъекта права и выстраивания образа нового «правового человека» с его последующей экспликацией на правоприменительную практику, тезисно обозначим ряд ключевых положений нашего подхода:

1) для понимания современной правовой реальности дискурс субъекта права должен быть заменен дискурсом человека в праве (или «правового человека»). Последний должен рассматриваться не столько через юридические признаки и свойства, сколько через конститутивные признаки и тип государственно-правовой идентичности, определяемые той или иной практикой себя и стратегией юридического мышления;

2) для этого, в свою очередь, классический, эссенциальный дискурс, в котором главное значение придается жестко заданной картине правовой жизни через легитимацию и публичную юридическую презентацию ее в нормах, необходимо заменить энергично-правовым дискурсом, концентрирующимся на процессе разворачивания юридически значимой речи и сопровождающих ее коннотациях, а также, что особенно важно, в окутывающем эти практики правовом смысловом поле, которое не всегда подлежит артикуляции;

3) соответственно дескрипция правовой реальности должна исходить из первичности правового смыслового поля перед нормативно заданным порядком; факта встречи правовой реальности как смыслового поля не с универсально заданным и абстрактным субъектом права, а с человеком в праве; прямого влияния и связи типа личностного конституирования и идентичности на тип правового поведения человека в праве; факта формирования этого человека жизненными практиками, формирующими стратегию юридического мышления и, если вести речь о правоприменении, вбирающими в самом общем виде жизненный мир правоприменителя.

Таким образом, реальное правовое смыслонаполнение оценочных понятий, да и вообще всякого права, осуществляется правоприменителем в конкретной юридической практике. При этом правоприменитель наполняет юридический знак контекстуально схваченным смыслом через придание правоприменительной ситуации (жизненное обстоятельство плюс норма) значения, формируемого под воздействием личностной конституции и идентичности, складывающимися на основе культивируемой правоприменителем «практики себя». Описанная энергично-правовая модель правоприменителя, таким образом, ориентирует не столько на наблюдение за уровнем его профессионального знания и опыта, сколько за тем, как личностные конститутивные структуры относятся к этому знанию и опыту и какие юридически значимые акты это порождает.

УДК 343.54

О.Л. Помалейко

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СЕКСУАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ ЖЕНЩИН НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ XX в.

Один из серьезнейших вызовов современности – торговля женщинами с последующей сексуальной эксплуатацией. Как свидетельствует история, торговля «живым товаром» была одной из доходных отраслей капиталистического предпринимательства и еще в конце XIX в. начала приобретать признаки хорошо отлаженной международной системы. На территории Беларуси, Украины, Литвы, входивших в состав Российской империи, активно проводилась вербовка женщин и вывоз их в зарубежные публичные дома через черноморские и балтийские порты, а также по железной дороге – через Варшаву. Втягивание в преступный промысел лиц женского пола осуществляли хорошо организованные группы со значительными средствами через обман, подкуп и прямое насилие. Паразитирующим на проституции лицам вследствие безнаказанности удалось развернуть широкий подпольный бизнес «по продаже любви», что нашло выражение в создании и функционировании своеобразных рынков сбыта, где действовали свои законы и система расценок. Одним из крупнейших в Российской империи был рынок в Белостоке Гродненской губернии. В сети торговцев («макковеев» и «нянек») попадали в основном лица женского пола, работавшие на фабриках и заводах, прислуга и крестьянские девушки, пытавшиеся устроить свою жизнь в городе. Главными центрами потребления «живого товара» были Турция, страны Ближнего Востока и Западной Европы. По сведениям секретаря международного Общества борьбы с торговлей девушками, на 1912 г. были официально установлены данные 1400 человек, занимавшихся сутенерством. Однако реальная цифра была значительно выше, поскольку этот бизнес носил скрытый характер.

Поиск сутенеров занимались сыскные отделения. Так, в Вильно в марте 1913 г. задержали несколько лиц из шайки торговцев «живым товаром», орудующей во многих городах Российской империи. Первыми были арестованы содержательница дома свиданий П. Мармуд и ее компаньонка Г. Розенфельд. В результате обысков обнаружили громадную уличающую переписку на русском, польском, еврейском и немецком языках, относящуюся к торговле девушками. Их продавали и покупали в Вильно, Минске, Витебске и других городах империи. Причем девушек спрашивали и предлагали «под видом граммофонов, пластинок, балалаек и гусяного жира». Агентами по их вербовке были в основном женщины. В этом же году в Белостоке при попытке вывоза девушек из Двинска задержали некоего Эпштейна. Он сознался, что состоял агентом крупной шайки торговцев «живым товаром», имевшей свой штаб в Варшаве и насчитывающей до 100 агентов, «широко и крупно распространивших свою деятельность».

О случаях торговли девушками не раз сообщалось в местной прессе. К сожалению, в печати отсутствовали материалы, предостерегающие женщин и тем самым способствующие профилактике данного вида преступления. Эти функции взяли на себя некоторые общественные объединения. Например, Минский и Виленский филиалы Российского общества защиты женщин (РОЗЖ) задались целью «содействовать предохранению девушек и женщин от опасности быть вовлеченными в разврат и возвращению уже падших женщин к честной жизни». Проблема борьбы с продажей женщин за границу в уставе